

Изъ архивныхъ матеріаловъ.

Незданныя письма И. С. Тургенева къ своему управляющему, историка и романиста П. П. Каратыгина къ Ю. М. Богусевичу и Н. Курочкина, А. В. Старчевскаго, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. Н. Мамина-Сибиряка и Д. Л. Мордовцева къ редактору „Наблюдателя“ А. П. Пятковскому.

I. — „Парижъ, 7 февраля / 26 января 1878 г. Любезный Николай Александровичъ, снѣшу отвѣчать на Ваше послѣднее письмо (вмѣстѣ съ отчетомъ) отъ 19/31 января. Прежде всего (неразборчиво) — Вамъ на мѣстѣ видѣе — и если Вы полагаете, что арендная цѣна въ 4,000 руб. сер. удовлетворительна — то я даю Вамъ полное согласіе. — Если для этого нужна довѣренность особенная, то пришлите сюда черновую и я тотчасъ отправлю ее къ Вамъ. — Главное дѣло — выбрать человѣка надежнаго (не въ родѣ Волнова) — и выговорить неустойку на случай продажи, какъ это дѣлается въ каждомъ контрактѣ. Что касается до Волнова, то, разумѣется, слѣдуетъ постараться взять, хоть по суду, съ этого плута что будетъ возможно; намѣреніе Ваше — отдать Холодовскимъ крестьянамъ тамошнюю землю въ аренду — одобряю; во всякомъ случаѣ они будутъ надежнѣе Волнова. Миѣ будетъ пріятно, если Вы, какъ только возможно будетъ, вышлете миѣ деньги за Казвенскій овесъ и первую часть Спасской аренды; теперь же курсъ поправился и, вѣроятно, поправится еще больше, вслѣдствіе мира. Извѣстите меня о мальчикѣ Никитѣ — хорошо ли онъ учится? Надѣюсь, отъ Вашего нездоровья не осталось уже слѣда, кланяюсь Вашимъ родителямъ и всѣмъ

Вашимъ, и жму Вашу руку. Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ. P. S. Я получилъ отъ г-жи Гинтеръ письмо съ предложениемъ Вашего, въ которомъ Вы отъ моего имени предлагаете ей 10 руб. сер. — съ тѣмъ, чтобы она извѣстила Васъ о своемъ согласіи; она увѣряетъ, что извѣстила, но отвѣта отъ Васъ не получила, при чемъ снова повторяетъ просьбу о помѣщеніи ея мужа куда-нибудь въ мое имѣніе прикащикомъ.—Будьте такъ любезны и сообщите г-жѣ Гинтеръ, что у меня теперь, за раздачей всѣхъ имѣній въ аренду, никакихъ мѣстъ для ея мужа нѣтъ—и перешлите ей отъ моего имени 15 руб., въ которыхъ испросите расписку. Адресъ ея: Анна Дмитриевна Гинтеръ, Тамбовской губ., Моршанскаго уѣзда, село Заметчина“.

II.—„Буживаль (воалѣ Парижа). Воскресенье, 26/14 авг. 77 г. Любезнѣйшій Николай Александровичъ, я сейчасъ получилъ Ваше письмо.—Благодарю за доставленныя свѣдѣнія о братѣ; г-нъ Малыровскій также написалъ мнѣ подробный отчетъ—и я ему отвѣтилъ. Радуюсь также, что урожай въ К. оказался хорошимъ—и съ готовностью даю Вамъ разрѣшеніе застраховать скирды: мѣра весьма полезная. Не знаю, каковы теперь цѣны на хлѣбъ—здѣсь меня увѣряютъ, что стоятъ хорошія; — и потому, если бы Вамъ было возможно къ сентябрю выслать мнѣ нѣсколько денегъ, то онѣ бы пришлись очень кстати. Прошу Васъ передать прилагаемое письмо ко мнѣ Губернскаго Предводителя Тютчева — г-жѣ Малиновской. Анна Ивановна продолжаетъ быть довольна своимъ пребываніемъ въ Спаскомъ — и я Вамъ очень благодаренъ за Ваши хлопоты. Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ Вашимъ и принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности. Ив. Тургеневъ“.

ПИСЬМО Н. С. КУРОЧКИНА къ А. П. ЦЯТКОВСКОМУ.

„Любезный Александръ Петровичъ. Очень сожалѣю, то здоровье не позволило мнѣ воспользоваться Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ въ Соляной Городокъ, но я вынужденъ болѣзнью выѣзжать не тогда, когда хочу, а тогда только, когда могу. Такъ, напр., къ Вамъ я собираюсь каждый день, а сегодня, имѣя даже до Васъ надобность, принужденъ ограничиться письмомъ. Дѣло вотъ въ чемъ Завтра выбираютъ комитетъ Литературнаго Фонда и тамъ

составилась партія, не желающая пропускать никого изъ людей извѣстнаго направленія въ литературѣ. Между тѣмъ, если это имъ удастся, то выйдетъ дѣло не красивое. Поэтому я попросилъ бы Васъ написать къ Стоюпину, Никитину и Косенинскому, чтобы они были, если могутъ, на собраніи и поддержали кандидатовъ, которыхъ желаетъ наша партія, а именно:

Некрасова,
Гаевского,
Ефремова и
Гайдебурова.

Каждый голосъ важенъ, такъ какъ предполагается, что соберется не болѣе 30 человекъ и дѣло рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ. Любящій Васъ Н. Курочкинъ".—1874 г.

ПИСЬМО П. КАРАТЫГИНА къ Ю. М. БОГУШЕВИЧУ.

„1 декабря 1876 г. Милостивый Государь Юрій Михайловичъ. Чтобы не задерживать Вашего посланнаго я отпустилъ его съ книгами и рукописью безъ письменнаго отвѣта на Ваше любезное письмо. Прошу извинить меня за эту торопливость. Дѣлаясь сотрудникомъ Вашего журнала, я, само собою, позволяю себѣ считаться въ числѣ людей искренно желающихъ Вамъ совершеннѣйшаго успѣха и по мѣрѣ силъ ему содѣйствующихъ. Льщусь надеждою, что дверь Вашего кабинета не будетъ заперта для меня; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, душевно благодаря Васъ за радужное приглашеніе посѣщать Васъ въ опредѣленные дни, считаю долгомъ сознаться, что не имѣю возможности имъ воспользоваться. Образъ моей жизни самый замкнутый и уединенный, границы его — четыре стѣны моего кабинета. Отчужденный отъ общества я совершенный медвѣдь и нелюдимъ. Моя молчаливость въ кругу лицъ, разговаривающихся мнѣніями или интимно бесѣдующихъ, будетъ неприятной паузой въ гармонической симфоніи. Кромѣ того мое *инкогнито* (о которомъ я просилъ Васъ) будетъ нарушено: *явное* сотрудничество въ новомъ періодическомъ изданіи можетъ поставить меня въ неприятное положеніе предъ М. И. Семевскимъ, съ которымъ до сихъ поръ я нахожусь въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Надѣюсь,

что мое откровенное признаніе будетъ приято Вами sine ira и не нарушитъ Вашего добраго ко мнѣ расположенія. При нашемъ свиданіи у М. А. Хана я упомянулъ Вамъ о переводахъ съ нѣмецкаго: если въ настоящее время у Васъ есть въ виду какая нибудь повинка изъ нѣмецкой литературы, то позволю себѣ оять напомнить о сестрѣ моей: зная отлично оба языка, она переводитъ чисто и *очень скоро*. При семъ препровождаю къ Вамъ оглавленіе двухъ главъ мною переведенныхъ—по присланному Вами изданію книги Клячко: въ *Révue des Deux Mondes* главы были расположены и нумерованы иначе. Поручаю себя Вашему доброму ко мнѣ расположенію, прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, постоянной и усердной готовности къ услугамъ Вашимъ П. Каратыгинъ*.

ПИСЬМА А. В. СТАРЧЕВСКАГО къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. „Честь имѣю препроводить къ Вашему Превосходительству, по Вашему желанію, сегодня вечеромъ, статьи мои о Дружининѣ и гр. Е. П. Ростопчиной. Такихъ статей, кромѣ профессоровъ, нельзя ожидать теперь отъ нашего молодого поколѣнія, которое много толкуетъ, а мало дѣлаетъ. Надъ Дружининимъ я порядочно посидѣлъ, зато вышла вещь хоть куда. Не многіе ваши журналы могутъ похвалиться такими статьями. Это скорѣе беллетристическій рассказъ, чѣмъ литературный этюдъ—такъ легко написана вся статья. Пришлось разобрать до 160 писемъ его ко мнѣ, изъ которыхъ приведено только 20, характеризующихъ его личность. Я сдѣлалъ такъ, какъ Вы желали, нигдѣ не расхваливалъ его, а старался воздать ему по заслугамъ. Въ статьѣ очень много фактовъ, вовсе неизвѣстныхъ нашимъ даже ученымъ литераторамъ. Письма Ростопчиной тоже представляютъ не малый интересъ—баба была гениальная, въ этомъ нельзя отказать ей. Завтра, въ 2 часа буду имѣть честь явиться къ Вамъ. Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства готовый къ услугамъ А. Старчевскій. P. S. Мнѣ все что-то чудится, что С. О. не уйдетъ отъ нашихъ рукъ. А. С. 6-го марта 1885 г. Спб.“.

2. „Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Отъ такъ называемаго А. В. Старчевскаго, автора Монферрана, остался одинъ скелетъ или чучело, напиханное не деревянными

опилками, а разнаго рода и вида медикаментами. Этотъ скелетъ уже три недѣли не оставляетъ постели. Такъ какъ сегодня уже 6-ое декабря и по прочитанной мною корректурѣ видно, сколько выйдетъ изъ моей статьи, и слыша, что подписка на „Наблюдатель“ идетъ лучше, чѣмъ на другіе журналы, поэтому рѣшаюсь всепокорнѣйше просить Васъ выдать мнѣ въ счетъ декабрьской статьи моей двадцать пять рублей сер., въ которыхъ при семъ прилагаю росписку. Доктора, аптека и дневное пропитаніе мучаютъ меня, а я лежу безъ гроша мѣднаго—прежній владѣлецъ дома Монферрана и Румянцевскаго Музея. Что дѣлать. *Sic fata tulere...* Едва-ли статья о Монферранѣ не послѣдній мой трудъ. Искренно уважающій Ваше Превосходительство и готовый къ услугамъ скелетъ А. В. Старчевскій, 6-го декабря 1885 г. P. S. Деньги прошу передать въ заклеенномъ конвертѣ подательницѣ этого письма. А. В. С.“.

3. „Ваше Превосходительство. Отъ всей души приношу Вамъ мою искреннюю благодарность за Ваше любезное письмо. Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что Вы цѣните по достоинству мои труды. Теперь и стороной до меня доходятъ слухи, что моей статьей о Монферранѣ очень довольны. Здоровье мое поправляется, но медленно. Позвольте пожелать Вамъ веселыхъ праздниковъ и богатой подписки. Я не сомнѣваюсь, что дѣло Ваше пойдетъ хорошо. Обращаюсь къ прозѣ жизни: покорнѣйше прошу Васъ приказать выдать подательницѣ моего письма слѣдующія мнѣ за мою статью деньги, за вычетомъ уже присланныхъ мнѣ въ прошлый разъ. Пожелавъ Вамъ еще разъ здоровья и громадной подписки, считаю долгомъ сказать, что какъ только окрѣпнутъ мои силы, я постараюсь побывать въ редакціи и объясниться на счетъ будущихъ трудовъ. Теперь же мнѣ остается просить Васъ возвратитъ мнѣ оригиналъ статьи о Монферранѣ и приказать выдать два отдѣльныхъ оттиска послѣдней статьи. Съ глубокимъ уваженіемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою А. В. Старчевскій. 20-го декабря 1885 г. Сиб.“.

4. Позвольте, Ваше Превосходительство, поблагодарить Васъ за благородный поступокъ относительно меня. Появленіе статьи моей о Сървѣ для меня очень важно... Теперь позвольте предложить Вамъ для апрѣльской книжки „Наблюдателя“ статью объ умершемъ на дняхъ В. П. Гаевскомъ, какъ литераторѣ, начавшемъ у меня въ „Библіотекѣ

для чтенія“ свое поприще, сдѣлавшемъ себѣ извѣстность статьей о Пушкинѣ и откуда онъ почерпалъ для того матеріалы и наконецъ какое значеніе имѣлъ Гаевскій для русской литературы, хотя и не оставилъ послѣ себя капитальныхъ трудовъ. Онъ былъ даровой литературный посредникъ, литературная повивальная бабка, ходатай по литературнымъ дѣламъ и проч. За адвокатство онъ взялся какъ за болѣе вѣрный кусокъ хлѣба, чѣмъ какой ему могла доставить литературная сума, съ которой бы ему приходилось ходить по редакціямъ и собирать литературную милостыню...

Я съ Гаевскимъ былъ друженъ, много объ немъ знаю и могу написать объ немъ очень горячую статью, которую прочтутъ съ удовольствіемъ и которая можетъ быть готова къ 20 марта. Жду отвѣта, согласны ли Вы на мое предложеніе. Имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою А. В. Старчевскій, 6 марта 1888 г.“.

ПИСЬМА В. Р. ЗОТОВА КЪ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. „10 августа 1892 г. „Политика“ отправляется въ типографію сегодня же вмѣстѣ съ рецензіею новыхъ книгъ—въ четыре страницы. Поэтому продолжайте себѣ купаться въ вашемъ заливѣ, если находите это полезнымъ, и не спѣшите очень въ Петербургъ, пока въ немъ неопредѣлится ходъ эпидеміи. Покамѣстъ 60—70 человекъ въ день съ десяткомъ-другимъ смертей при населеніи въ (неразборчиво)—немного. Да на болѣзнь мало кто и вниманіе обращаетъ, мокнутъ попрежнему подъ дождемъ въ Аркадіяхъ, а согрѣваются въ давкѣ у тотализаторовъ на разныхъ скачкахъ. Подаль въ отставку Вышнеградскій—неизвѣстно только отъ финансовой или отъ дѣйствительной болѣзни и рекомендовалъ вмѣсто себя—Витте—вотъ вамъ и всѣ петербургскія новости. Августовская книжка интересна и разнообразна. Но что сдѣлалось съ Чуйко, отстаивающимъ въ своей статьѣ метафизику и цитирующимъ цѣлыя страницы изъ Вл. Соловьева? Не для противодѣйствія ли метафизическимъ бреднямъ и восхваленію философа, тащившаго наше плохое православіе подъ благословеніе еще болѣе плохого католичества—помѣстили вы вслѣдъ за чуйковскою статьею другую, осмѣивающую по заслугамъ этого Хлестакова отъ философіи. Жаль только, что авторъ вмѣстѣ

съ тѣмъ отдѣлалъ и Волинскаго, да такъ рѣзко, что противъ такой полемики возсталъ и Буренищъ во вчерашнемъ фельетонѣ, цитируя выходы К--скаго. О бездарномъ В. критикамъ пожалуй дѣйствительно не стоило отзываться съ такою запальчивостью, но Соловьева стоило продержнуть не только со стороны его литературныхъ благоглупостей, но за его дикія мнимофилософскія измышленія. Отдыхайте же сколько можете въ Майоренгофѣхъ и не спѣшите въ нашъ Генераленгофъ, гдѣ по прежнему достаточно скверно и грязно. С. С. поблагодарите за память обо мнѣ. Вашъ В. Зотовъ“.

2. „25 апрѣля. Удѣльная. Посылаю вамъ рецензіи въ юньскую книжку журнала и прошу представить еще разъ въ цензурный комитетъ мою рецензію на книгу Любимова. Комитетъ можетъ выбрасывать изъ моей статьи то, что ему кажется непозволительнымъ, но ему можно напомнить, что даже въ елагинскія и мусинь-пушкинскія времена никогда не запрещались отзывы о книгахъ, только что вышедшихъ изъ печати, и только потому, что отзывъ былъ неблагопріятный, а книга благонадежная. Критика эстетическая и литературная вовсе не обязана слѣдить за благонамѣренностью книгъ—на это существуетъ цензура. Мало ли въ каждой литературѣ совершенно благонамѣренныхъ, но и совершенно бездарныхъ вещей. Да и въ книгѣ Любимова я указываю на многія хорошія стороны ея. Она кому-то мнѣ для отзыва редакціею—и моя обязанность была высказать объ ней безпристрастное мнѣніе. Невомѣщеніе моей рецензіи доказываетъ согласіе редакціи съ цензурой, чего я впрочемъ не думаю, и если отзывъ мой хотя бы съ урѣзками не появится въ юньской книжкѣ, это возмущитъ меня, для избѣжанія напрасной потери труда и времени, обратиться къ работамъ другого рода, тѣмъ болѣе, что рецензіи—трудъ вовсе не легкій и не привлекательный. Вашъ В. Зотовъ“.

3. „12 іюня 1895 г. Воспитанница моя говорила мнѣ о желаніи вашемъ, чтобы лѣтомъ мои статьи доставлялись раньше; но при моемъ нездоровьи это для меня совершенно невозможно. Я пишу съ трудомъ, да и диктовать не могу скоро. Поэтому вамъ надо прислать сотрудницу помоложе меня. Я не только не буду въ претензіи, если вы дадите, послѣ 15 сезонной работы у васъ отдыхъ на лѣто, но буду даже очень благодаренъ. Раньше 5 числа (рецензіи) и 12 (политика) я не могу прислать статьи. Поэтому

распорядитесь какъ вамъ будетъ удобнѣе и за мѣсяць или за два дайте мнѣ знать, когда я долженъ прекратить мою работу. Преданный Владиміръ Зотовъ“.

4. „29 сентября 1895 г. Въ началѣ сентября я думалъ окончательно проститься съ вами и съ „Наблюдателемъ“— до того мнѣ было плохо. Силы до того ослабѣли, что меня поворачивали съ боку на бокъ на кровати. Въ то же время это былъ дѣйствительный первый отдыхъ, заставившій меня бросить перо, за которое я взялся 60 лѣтъ назадъ, съ 15-ти лѣтняго возраста, когда началъ писать. Но къ моему и къ общему удивленію кризисъ этотъ кончался постепеннымъ укрѣпленіемъ и къ половинѣ мѣсяца я уже могъ и читать и бесѣдовать, какъ прежде, а теперь я думаю, отдохнувъ еще немного, попробовать опять диктовать. Надо кончить біографію Сѣрова по неизданнымъ его письмамъ ко мнѣ, начатую для Шубинскаго, а потомъ примусь за обѣщанные вамъ „Очерки иностранной литературы“ и повѣсть. Пожалуй вамъ и еще не такъ скоро придется разстаться съ вашимъ сотрудникомъ. Посланная вамъ „политика“ опоздала въ сентябрьскую книжку, хотя въ нее вошла статья о новой части свѣта и еще что-то. За книгой я не посылаю и потому прошу прислать ее съ октябрьской, съ небольшимъ гонораромъ, причитающимся за нихъ. Въ октябрѣ я еще вѣроятно ничего не пришлю, но это будетъ послѣдній отдыхъ. Теперь чувствую себя гораздо крѣпче. Искренно преданный В. Зотовъ“.

5.—„7 ноября 1895 г. Посылаю три рецензіи въ декабрьскую книжку и „Фонографъ“. „Очерки иностранной литературы“ не окончилъ: боюсь утомить себя усиленной работой и отдыхаю въничеговедѣланіи, чего не испытывалъ лѣтъ 60-тъ. Видѣли, какъ газеты набросились на Сѣрова. „Новое Время“ напечатало даже панегирикъ по поводу 30-ти лѣтней годовщины постановки „Рогнеды“ и помѣстило его бюстъ намогильный. Теперь было бы самое удобное время тиснуть въ „Наблюдатель“ его неизданные любопытныя письма. Я болѣе потому прислать вамъ статью поторопился, что хотѣлъ послѣ болѣзни возродиться въ вашемъ журналѣ. Въ случаѣ затрудненій съ вашей стороны возвратите статью; я пошлю ее Шубинскому, но надо поскорѣе. Вашъ преданный Вл. Зотовъ“.

ПИСЬМО В. ЧУЙКО къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

„Спб., 28 іюля 1892 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Въ Вашей конторѣ мнѣ сказали, что Вы благополучно добрались до Маіоренгофа. Поэтому, пишу туда, исполняя Ваше порученіе сообщить Вамъ то, что я задумалъ для моихъ работъ на осеннія книжки. Кромѣ статьи о Зола, статьи, о которой мы уже бесѣдовали съ Вами, было бы недурно, мнѣ кажется, дать небольшую статью о Мопассанѣ. Послѣ Зола, Мопассанъ—самый выдающійся изъ современныхъ беллетристовъ; онъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ его произведеніяхъ замѣтна новая нота французскаго натурализма. Кромѣ того, благодаря душевной болѣзни, постигшей его въ прошломъ году,—его литературная дѣятельность закончена, слѣдовательно, о немъ можно говорить теперь безъ всякихъ оговорокъ. Болѣе важной статьей я бы считалъ еще статью о Шелли, англійскомъ лирическомъ поэтѣ, столѣтняя годовщина со дня рожденія котораго будетъ праздноваться въ Англии въ августѣ. Шелли—величайшій изъ лирическихъ поэтовъ 19 вѣка. У насъ онъ мало извѣстенъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайней трудности переводить его. Въ Англии вотъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ специальное учебное общество, посвященное Шелли. Вообще, огромное значеніе его для современной европейской литературы не подлежитъ сомнѣнію. Сообщите мнѣ, какъ вы смотрите на мои предложенія. Какъ только я получу Вашъ отвѣтъ, сейчасъ же примусь за дѣло. Преданный Вамъ Вл. Чуйко“.

ПИСЬМА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. 8 декабря 1887 г. Екатеринбургъ. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Прежде всего считаю своею обязанностью обратить ваше вниманіе на мое комическое положеніе, именно, обыкновенно г.г. редакторы предлагаютъ авторамъ дѣлать поправки и передѣлки, а г.г. авторы обижаются и уступаютъ, скрѣпя сердце, здѣсь же авторъ предлагаетъ свои покорныя услуги, а редакторъ отмахивается обѣими руками. Большихъ передѣлокъ я не буду дѣлать, уступая Вашему желанію, но то, о чемъ писалъ Вамъ при

посылкѣ статьи, я долженъ исполнить, какъ добросовѣстный авторъ. Количество главъ и печатныхъ листовъ пусть остается то же, но послѣднія главы я переработаю—кромѣ убытка для меня въ этомъ хорошемъ намѣреніи ничего нѣтъ, поэтому Вы обязаны смилостивиться въ концѣ концовъ... Во-первыхъ нужно мотивировать самоубійство Сажина, во-вторыхъ выяснить его разрывъ съ генеральшей и отношенія къ ней послѣ этого разрыва и, въ третьихъ, сгладить слишкомъ рѣзкое превращеніе либераловъ въ индифферентистовъ. Нужно оставить хоть 3 праведниковъ, ибо безъ этихъ 3 „нѣсть граду стоянія“. Что касается названія, то Господь съ нимъ: мнѣ все равно, какъ и Вамъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло не въ названіи. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности Д. Маминъ. Р. С. Передѣлки пришлю въ январѣ. Беру смѣлость попросить Васъ еще разъ, нельзя ли будетъ высылать мнѣ оттиски, а то я „Летныхъ“ не имѣю совсѣмъ“.

2.—„27 февраля 1888 г. Екатеринбургъ. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Судьбѣ угодно, чтобы Ваше желаніе исполнилось: романъ останется безъ передѣлокъ. Причина этому та, что, не смотря на все свое желаніе, я долженъ отказать себѣ въ удовольствіи передѣлать еще разъ—нѣтъ времени. Мое прекрасное далеко мѣшаетъ дѣлу больше всего: когда напишешь, когда перепишешь, когда рукопись дойдетъ до Петербурга, а тамъ уже книжка въ наборъ пошла. По хохладкой пословицѣ, выше лба очи не растутъ... Извиняюсь за несдержанное обѣщаніе и утѣшаюсь только тѣмъ, что понесу за него соответствующую казнь, яко авторъ „ромава“. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности. Готовый къ услугамъ Д. Маминъ. Р. С. Нельзя ли будетъ выслать мнѣ оттиски „Именинника“. Я уже писалъ Вамъ объ этомъ, но до сихъ поръ отвѣта еще не получилъ и поэтому рѣшаюсь напомнить вторично“.

3.—„25 мая 1891 г. Лѣсной. Ваше Превосходительство Александръ Петровичъ. Былъ лично въ редакціи недѣлю тому назадъ и оставилъ рукопись легенды о ханѣ Кучеомѣ,—это своего рода татарское „Слово о полку Игоревѣ“. Мои условія 100 руб. за листъ. Вещь въ своемъ родѣ единственная. Хотѣлось лично переговорить съ вами, но въ тотъ четвергъ не удалось передать Вамъ своей карточки: а въ назначенные Вами дни не могъ быть, потому что переѣзжалъ на дачу въ Лѣсной. Предметъ моихъ перего-

воровъ слѣдующій: я хотѣлъ предложить Вамъ романъ на 1892 годъ. Романъ будетъ о хлѣбѣ, дѣйствующія лица—крестьянинъ и купецъ хлѣбшникъ. Хлѣбъ—все, а въ Россіи у насъ въ особенности. Цѣна „строить цѣну“ на все остальное, и отъ нея зависитъ вся промышленность и торговля. Собственно въ Россіи тотъ процессъ, какимъ хлѣбъ доходитъ отъ производителя до потребителя, трудно прослѣдить, потому что онъ совершается на громадномъ разстояніи и давно утратилъ типичныя переходныя формы отъ первобытнаго хозяйства къ капиталистическимъ операціямъ. Я беру темой Зауралье, гдѣ на разстояніи 10—15 лѣтъ всѣ эти процессы проходятъ воочию. Собственно, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является р. Исеть, перерѣзывающая благословенное Зауралье. Это единственная въ Россіи рѣка по своей населенности и работѣ; на протяженіи 300 верстъ своего теченія она заселена почти сплошь, на ней 80 большихъ мельницъ, 2 города, нѣсколько фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ и разныхъ сибирскихъ „заимокъ“. Бассейнъ Исети снабжалъ своей пшеницей весь Уралъ и служилъ золотымъ дномъ. Центръ хлѣбной торговли—уѣздный городъ Шадринскъ процвѣталъ, мужики благоденствовали. Все это существовало до того момента, когда открылось громадное виокуренное дѣло, а затѣмъ уральская желѣзная дорога увезла зауральскую пшеницу въ Россію. На сценѣ появились громадные капиталы—мелкое хлѣбное купечество сразу захудало. Хлѣбные запасы крестьянъ были скуплены, а деньги ушли на ситцы, самовары и кабаки. Теперь это недавнее золотое хлѣбное дно является ареной періодическихъ голодовокъ и главными виновниками ихъ являются виокуреніе и вторженіе крупныхъ капиталовъ. Всѣ эти процессы проходятъ наглядно, и тѣмъ получаетъ глубокій интересъ. Я собиралъ для нея матеріалы въ теченіе 10 лѣтъ и все не могъ рѣшиться пустить ихъ въ ходъ. Главное условіе для меня то, чтобы не представлять въ редакцію всего романа заразъ, а частями—первыя части будутъ готовы къ концу октября. Относительно условій гонорара, надѣюсь сойдемся. Вообще, мнѣ интересно было видѣть Васъ лично, чтобы переговорить объ этомъ подробно, а всего не напишешь. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и глубокой преданности. Д. Маминъ“.

ПИСЬМА Д. Л. МОРДОВЦЕВА КЪ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1.—3 декабря 1883 г. Милостивый Государь Александръ Петровичъ. Нынѣшней весной, послѣ зимняго леченія въ Ментонѣ, я совершилъ поѣздку по Испаніи и по Италіи. Результатомъ моихъ скитаній являются два описанія въ формѣ записокъ бродяги: первое—окончено раньше и сдано Стасюлевичу, который и начнетъ его печатать въ „Вѣстн. Европы“ съ новаго года; второе „По Италіи“ я желалъ бы предложить для Вашего журнала. Если, въ принципѣ, Вы ничего не имѣете противъ моего имени и моего труда, то я передалъ бы его Вамъ для ознакомленія съ нимъ и рѣшенія—годится ли онъ для Васъ. Хотя онъ еще не оконченъ (остаются замѣтки только о Флоренціи и Венеціи: Геную, Пизу, Римъ, Неаполь, Помпею—я кончилъ), но я могу дать Вамъ то пока, что уже готово. Если же для Васъ эта работа не нужна, то будьте добры увѣдомить меня: тогда я отошлю ее Юрьеву въ Москву. Искренно Васъ уважающій Д. Мордовцевъ“.

2. „17 января 1885 года. За что Вы меня презираете, многуважаемый Александръ Петровичъ? Али я не достоинъ получать „Наблюдатель“? Я не имѣлъ чести получить 1-й кв. А потому—царь государь, смилуйсь, пожалуй!—вели высылать мнѣ твой журналъ, а пошлину за оный указомъ твоимъ государевымъ повели взимать съ меня, съ твоего государева жалованья за мои тебѣ, холопа твоего Данилки вѣрную службу моими „похоровами“ всея великія Русіи Холопъ твой и богомолецъ Давилка, Мордовскія земли твой, государевъ, служилый человѣчишко“.

3. „8 декабря 1893 года. Многуважаемый Александръ Петровичъ. Встрѣтивъ васъ (въ кои то годы) на юбилейномъ обѣдѣ Григоровича, я вспомнилъ, что давно уже, очень давно не появлялся въ пачати подъ вашимъ любезнымъ „наблюденіемъ“. Ну, и потянуло вновь на знакомыя страницы... Если „портфель редакціи“ почтеннѣйшаго Ефима Простосердова, какъ говорится, не переполненъ до краевъ, то не всунете ли Вы, хотя на вторую половину 1894 г., въ оный (портфель) мое новсе историческое чадороманъ изъ исторіи завоеванія Кавказа, собственно Абхазіи. Это—событія—съ 1808 по 1824 г.г.—полныя кроваваго драматизма. Вѣдь абхаэцы—это самое строптивное племя, чистые сыны Прометея, когда-то томившагося въ ихъ горахъ.

Романъ повѣтому озаглавленъ—„Прометеево потомство“.— Если Вы не переполнены черезъ край и ничего не имѣете противъ новаго романа (Алексѣи Михайловичи и проч.— ужь слишкомъ истерты господами романистами), то благоволите черкнуть—когда я могу представить вамъ моихъ Прометеевъ, терзаемыхъ „двуглавымъ“ орломъ Юпитера. Искренно уважающій васъ Д. Мордовцевъ“.

4. „1 января 1897 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Простите „дѣда Данилу“ и снисойдите къ его старческой дряхлости. Я собирался, по Вашему письму, быть у Васъ на праздники, но немощь моя распорядилась иначе:—Бертенсонъ, въ виду моего „arteriites chron“ прописалъ мнѣ порядочную порцію kalii jodati. А это кушанье дѣлаетъ со мною то, что мой организмъ долженъ избѣгать охлажденія, особенно въ настоящіе морозные дни. Если поправлюсь—тогда другое дѣло. А теперь—пока—съ Новымъ годомъ и новой кипучей дѣятельностью, обусловливаемой „Гласностью“. Глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ. Искренно преданный. Д. Мордовцевъ“.

5. „17 октября 1887 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Преподносимая Вамъ книга три раза была арестована цензурой, три раза велѣли перепечатать ея заглавіе (была она раньше названа—„Жертва общественнаго недуга“, что можно видѣть внизу 2-го печатнаго листа и на другихъ листахъ; теперь она „Изъ прошлаго“; (уничтожили въ ней 70 страницъ) см. стр. 32—43, 184—192, а во 2 мѣ томѣ—187—202 и т. д. и т. д., чего—т.-е. такой пагинаціи въ книгахъ у насъ не бывало). А сколько пришлось перепечатать, переброшюровать. Третій арестъ былъ послѣ 1-го марта!—точно моя книга—динамитъ. И съ издателя Лебедева взяли подписку—не публиковать о ней. А продавать можно! Весь Вашъ Д. Мордовцевъ“.

Сообщилъ С. Шницеръ.

